

Санкт-Петербургский государственный университет

Анна Алексеевна Неверова

Выпускная квалификационная работа

**«РОССИЙСКИЙ ИМПЕРСКИЙ МИФ И ЕГО СИМВОЛИЧЕСКАЯ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ»**

Направление 41.03.04 «Политология»

Основная образовательная программа бакалавриата «Политология»

Научный руководитель:

доктор полит. наук, проф.

К.Ф. ЗАВЕРШИНСКИЙ

Рецензент:

канд. философ. наук, доц.

Н. В. ПОЛЯКОВА

Санкт-Петербург

2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. СПЕЦИФИКА СИМВОЛИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ В ГОСУДАРСТВАХ ИМПЕРСКОГО ТИПА.....	7
1.1 Специфика имперского типа государственности.....	7
1.2. Особенности и функциональные характеристики российского имперского мифа.....	19
ГЛАВА 2. СИМВОЛИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФА РОССИИ.....	28
2.1. Место и роль политического мифа в эволюции политической культуры России.....	28
2.2. Мемориальные практики социального конструирования политического мифа и их роль в современной политике идентичности.....	39
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	48
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	50

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность. Многовековой процесс формирования имперской идентичности на территории России не мог не оказать влияния на современную политическую культуру. Поэтому, изучение того, какими способами многонациональное и многоконфессиональное государство справлялось с вызовами и противоречиями, заложенными в особенностях его организации, кажется крайне важным, поскольку имеет тесную связь с вызовами сегодняшнего дня. Политические мифы и символы, как смыслообразующие элементы в процессе легитимации государств, служат ответом на эти вызовы, поскольку во многом определяют основы политико – культурного пространства. Будучи универсальной формой общественного сознания, через которую мы можем соприкоснуться не только с истоками нашей культуры, но и проследить ее развитие и становление, политический миф не может быть сведен лишь к средству модификации общественного сознания. Так, наблюдаемый в современных обществах расцвет мемориальной культуры во многом связан с попыткой наполнить поле культуры смыслами, черпаемыми из прошлого.

Степень научной разработанности темы: Анализируя научную литературу, можно отметить, что накоплен большой объем материала, посвященного специфике имперской организации общества. Теоретические подходы, в которых империя рассматривается как политическое образование, а также анализируются ее функции и особенности, содержатся в трудах С. Каспэ¹, Ш.Н. Эйзенштадта², А. Коэна³, Дж. Стэрчи, Дж. Мэрриота, М. Дюверже, А. Каппелера. Исследованиям, раскрывающим особенности функционирования Российской империи как

¹ Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001.

² Eisenstadt S.N. The Political Systems of Empires. New York. 1963.

³ Cohen A. Russian Imperialism: Development and Crisis. Westport, 1998.

государства посвящены работы А. Каппелера⁴, А. Миллера⁵, М. Долбилова⁶, А.М. Эткинда⁷.

Фундаментальные исследования социокультурной специфики различных сценариев презентации власти в Российской империи были проведены Р. Уортманом⁸, М.В. Долбиловым, Д.А. Андреевым⁹, Д. Ливеном¹⁰.

Также, в XX веке был накоплен большой объем фактического материала в области изучения мифов, религиозных символов и ритуалов, сделаны попытки исследовать архаичные слои сознания, таким учеными как В.Тернер¹¹, Дж. Фрэзер¹², Р. Барт, К. Хюбнер¹³, Я. Ассман, М. Элиаде¹⁴. Исследованию строго политических мифов посвящены работы К. Флада и отечественных исследователей Н.Г. Щербининой¹⁵, В. Полосина, А. М. Цуладзе¹⁶.

Всестороннее изучение взаимосвязей прошлого и настоящего через призму изменяющейся мемориальной культуры и в целом, актуализации прошлого в политико – культурном пространстве западных обществ содержатся в работах таких исследователей как Б. Гизен, Дж. Олик¹⁷, Р. Козеллек¹⁸, А. Ассман¹⁹, Дж. Винтер²⁰, П. Нора²¹, А.М.Эткин, Ж. ле Гофф²².

⁴ Каппелер А. Россия- многонациональная империя. М., 2000.

⁵ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.

⁶ Долбилов М.Д., Миллер А.И. Западные окраины Российской империи. М., 2006.

⁷ Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013.

⁸ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2002.

⁹ Андреев Д.А. Размышления американского историка о «сценариях власти» в царской России // Вопросы истории. 2003, №10, С. 114-115.

¹⁰ Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М., 2007.

¹¹ Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.

¹² Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Новые плоды (исследование магии и религии). М., 2017.

¹³ Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996.

¹⁴ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010.

¹⁵ Щербинина Н.Г. Политический миф России. Курс лекций. Томск, 2002.

¹⁶ Цуладзе А. М. Политическая мифология. М., 2003.

¹⁷ Olick J.K. The politics of regret: on collective memory and historical responsibility. New York. 2007.

¹⁸ Koselleck R. Futures past: on the semantics of historical time. New York. 2004.

¹⁹ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016.

²⁰ Winter J. Remembering War: The Great War between Memory and History in the 20th Century. New Haven, 2006.

²¹ Nora P. Realms of Memory: The Construction of the French Past. New York. 1996.

²² Ле Гофф Ж. История и память. М., 2013.

Объектом исследования является российская имперская мифология.

Предмет исследования - политико-культурная специфика российской имперской идеологии и способы ее символической репрезентации в политической культуре России.

Цель исследования - изучение форм и способов символической репрезентации имперской мифологии.

Поставленная цель реализуется через решение **следующих задач:**

- 1) выявить специфические признаки и подходы к типологизации имперских обществ
- 2) проанализировать особенности и функции российского имперского политического мифа
- 3) артикулировать роль мифо-ритуальных практик в эволюции политической культуры России
- 4) выявить специфику мемориальных практик воспроизводства политического мифа в социальном конструировании исторической памяти и политической идентичности

Теоретико-методологические основания исследования.

Исследование опирается на теоретические подходы С. Каспэ, Дж. Олика, Р. Уортмана.

Поставленные цели и задачи предопределили логику и **структуру работы**. Квалификационная работа состоит из введения, двух глав, включающих четыре параграфа, заключения и списка использованной литературы, включающего 45 наименований. **В первой главе** «Специфика символической репрезентации власти в государствах имперского типа» раскрывается теоретическое содержание понятий «империя» и «имперский политический миф», с помощью определения империи через ее специфические признаки и выполняемые функции, а также анализа исторических и культурных противоречий обусловленных особенностями

данного типа государственности; изучения подходов к определению политического мифа и того, каким образом символическая и легитимационная политика проявляют себя через него.

Во второй главе «Символические измерения политического мифа России» анализируются значимые символические образы, их происхождение и роль в легитимации государств имперского типа, определяются особенности культурной памяти и способы актуализации прошлого в политико – культурном пространстве современности посредством политики памяти.

ГЛАВА 1. Специфика символической репрезентации власти в государствах имперского типа

При изучении российского имперского мифа и способов его символической репрезентации, изначально необходимо понять, каким образом формируется имперская идентичность, узнать, какую роль играет символическая политика при репрезентации власти в имперских обществах. Для этого необходимо проанализировать современные подходы к таким понятиям как «империя» и «политический миф». В дальнейшем, благодаря раскрытию их сущности, функций, предлагаемых типологий, можно выделить отличительные черты имперского мифа на разных этапах развития российского общества.

1.1 Специфика имперского типа государственности

Для того, чтобы выявить специфические черты имперского типа государственности необходимо обратиться к основным определениям понятия «империя» и подходам к его изучению, накопленным за годы исследования данного явления.

В своем исследовании «Политические системы империй» Ш.Н. Эйзенштадт под термином «империя» подразумевает «политическую систему, охватывающую большие, относительно сильно централизованные территории, в которых центр, воплощенный как в личности императора, так и в центральных политических институтах, образовывал автономную единицу»²³. В данной работе было выделено три разновидности империй-патримониальные, империи кочевников и централизованные бюрократические империи, в которых власть связана с «харизматической личностью или группой». Ш. Эйзенштадт связывает возникновение такого

²³ Eisenstadt S.N. Empires. // International Encyclopaedia of the Social Sciences. Vol. 5. New York, 1968. P. 41.

рода империй с выделением в период кризиса традиционных политических механизмов новой элиты, которая, выводя из под контроля традиционных и местных элит важные для общества ресурсы, монополизирует право на принятие политических решений.

Однако, для начала следует рассмотреть, какими признаками должно обладать государство, чтобы называться империей, и какие их виды существуют.

Л.С. Гатагова называет следующие системные признаки империи:

1) сакральный характер власти, обычно осуществляемой без посредничества промежуточных - между правителем и народом - органов и учреждений

2) экспансия и, как следствие, большие масштабы территории

3) наличие центра, периферии, окраин, либо метрополии и колоний

4) полиэтничность и доминирующий над всеми остальными этнос или группа этносов

5) общая идеология (либо религия, не обязательно исповедуемая большинством населения)

б) претензии на мировое значение, а то и на мировое господство²⁴.

За все время анализа опыта империй, существовавших уже тысячелетия назад, также сформировалось несколько различных классификаций. Например, классическим является разделение на морские и континентальные империи.

В. Полосин²⁵ по критерию различия в видах внутреннего устройства выделяет две категории: колониальные империи, с господством государствообразующей нации над другими, и интеграционные, в которых официально провозглашается равенство граждан независимо от их этнической принадлежности. Монгольская, Османская, Российская империи могут служить примером интеграционных империй.

²⁴ Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. 1996. С. 338.

²⁵ Полосин В. Миф, религия, государство. М., 1999. С. 211.

По положению среди других наций империи делятся также на два типа:

1) региональные, перед которыми не стоит цель бесконечного расширения границ своего суверенитета

2) мировые, в чью идеологию заложены мессианские, утопические идеи.

Очевидно, на сегодняшний день не существует единой общепринятой классификации имперских обществ, и полемика вокруг этого вопроса активно продолжается. А. Миллер²⁶, исследовавший империи XIX–XX века, так называемой эпохи модерна, выделяет следующие основания для их классификации:

1) допуск подданных до политического участия, либо исключение из него

2) роль в мировой политике, то есть стремление к статусу «великой державы» либо постепенный отход от активной, экспансионистской внешней политики

3) периферийное или центральное положение в европейском пространстве, определяющее место империи в экономической системе и «пространстве интенсивного урбанистического развития»²⁷.

Приведенные свойства могут проявляться в различной степени, что позволяет перейти от обобщений к более детальному рассмотрению организации и политической практики.

Государственно-правовые признаки империй анализируются и обобщаются Н. И. Грачевым в статье «Империя как форма государства: понятия и признаки». Он отмечает, что империя - это государство, «включающее в себя разностатусные региональные образования, находящиеся в разной степени политической, административной и правовой зависимости от

²⁶ Миллер А. Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада // Журнал «Политическая наука». 2013. № 3. С. 30-42.

²⁷ Миллер А. И. Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада // Журнал «Политическая наука». 2013. № 3. С. 35.

имперской верховной власти с сохранением в некоторых случаях их политической автономии и даже собственной государственности»²⁸. Также он говорит о том, что суверенный центр империи, место, где, как правило, проживает либо концентрируется стержневой, правящий этнос, образует автономную единицу с особым статусом, являясь глобальным центром культурной и политической жизни. Однако, в работе «Империя и модернизация» российский исследователь Святослав Каспэ утверждает, что на сегодняшний день не существует полного и по-настоящему фундаментального определения понятия «империя». Все существующие на данный момент определения он разделяет на две категории - синдромные, то есть те, в которых «исследовательская задача ограничивается выделением набора признаков»²⁹ и генетические, описывающие причины и предпосылки возникновения феномена, а также механизмы, обеспечивающие его существование. В ходе анализа признаков империи, предлагаемых различными авторами, такими как А. Шопар-Ле Бра, Г.С. Кнабе³⁰, Л.С. Гатагова, С. Каспэ выделяет ряд «критических» признаков, среди которых:

1) сочетание в структуре и политической практике империй этнокультурной неоднородности и универсализма

2) значительная территория, связанная не только с географической протяженностью, но и с восприятием империи как некой локальной цивилизации, отдельного культурного мира.

Относительно условий формирования, или, согласно С. Каспэ, генетического определения империи, он предположил, что они формируются для разрешения кризиса, возникающего при столкновении «универсалистских

²⁸ Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. 2012. №2. С. 18-28.

²⁹ Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 20.

³⁰ Кнабе Г. С. Империя изживает себя, когда провинции догоняют центр. // Закат империй. Семинар. Восток. 1991. № 4. С. 75-77.

культурно мотивированных политических ориентаций»³¹ с большим разнообразием иных политических культур.

Данный автор выделяет три условия формирования империи. Первым является «наличие в системе политической легитимации государства абсолютных, универсальных компонентов», иными словами, различных форм сакрализации власти, которые усиливают ее авторитет и возможности для экспансии. Вторым условием выступает тенденция к территориальной экспансии, что объясняется постоянной потребностью в максимизации объема контролируемых материальных ресурсов. Третье условие является логическим продолжением второго, так как после включения в состав империи новых территорий встает необходимость выбора политики по отношению к местному населению. С. Каспэ говорит о том, что империя возникает именно в случае сохранения этнокультурных особенностей приобретенных территорий

Далее, давая генетическое определение империи автор проводит ее функциональный анализ. Первой функцией называется поддержание роста контролируемых ресурсов, что приводит к их асимметричному распределению в сторону центра.

Вторая функция - стремление к экспансии, которая в данном процессе может являться самоцелью, продиктованной не рациональной необходимостью, а желанием подтвердить имперские притязания на универсализм.

Культурно-смысловая экспансия необходима для существования империи, поскольку сохраняет имперскую идентичность. Военная и политическая экспансии, согласно мысли С. Каспэ, обосновываются культурной, а не наоборот. Отвергая такие методы как ассимиляция, либо полное истребление местного населения, автор задается вопросом о способе

³¹ Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 30.

реализации третьей функции империи, а именно - поиске возможностей для интеграции завоеванных территорий.

Одним из ответов на этот вопрос служит создание универсальной общеимперской элиты, рекрутируемой из элит традиционных сообществ. Данный подход служит двум целям - во-первых, ослаблению местных элитных групп, чье влияние могло быть опасно для центральной власти. Во-вторых, легитимность интегрированных элит основывалась на приверженности абсолютной имперской идее, личной лояльности суверену империи. Они не являлись представителями каких-либо социальных групп, что помогало сохранять необходимый для существования государства баланс.

Однако, ослабление местных элит не означало их полного исчезновения с политической арены. Они играли важную роль посредника, обеспечивающего коммуникацию между центральной властью и местным населением, которые являлись, как правило, носителями различных культур.

Таким образом, для существования империи жизненно важной является ситуация, при которой традиционные элиты еще сохраняют связи с местным сообществом, однако не стремятся подчеркивать свою особость, отличность от имперских.

Другим решением проблемы интеграции, а значит и удержания новых территорий является гибкая культурная политика. Среди вышеперечисленных признаков империи отмечалось «сочетание этнокультурной неоднородности и универсализма», что включает в себя индивидуальный для каждой территории подход к распределению политических полномочий. В качестве примера С. Каспэ приводит взаимоотношения центра и иудейской провинции в Римской империи. Жители Иудеи были освобождены от требуемого императорским культом принесения жертв из-за возможности восстания на религиозной почве.

Выполнение четвертой функции, определяющей империю, «эффективное взаимодействие местных и центральных элит», частично раскрыто в предыдущих абзацах. К нему необходимо добавить замечание о роли имперских элит в данном процессе.

Для существования гармоничного имперского пространства С. Каспэ называет необходимым взятие центральной властью на себя роли беспристрастного арбитра, чей безусловный авторитет помогает при решении локальных конфликтов. Тем не менее, несмотря на то, что империя может оказаться крайне устойчивой формой государственного управления и просуществовать очень долго, рано или поздно для нее наступает период ветшания и разложения. Ч. Тилли³² выделял ряд ведущих к этому типичных причин, таких как:

- 1) слабая интеграция политических единиц в административный механизм
- 2) слишком широкие полномочия наместников
- 3) сохранение завоеванным населением старой идентичности, что быстро приводит к росту недовольства
- 4) доступность информации об уязвимости центра внешним врагам.

Потенциально опасной для существования империи также может являться ситуация, при которой для центра издержки контроля над периферией превышают получаемый доход. Данный исследователь также отмечал, что в целом империи к гибели всегда вело сочетание неблагоприятных внешних и внутренних факторов, воздействие которых на различные государства было крайне индивидуальным.

Американский исследователь А. Мотыль в своей работе «Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств»³³ выделил переменные, способствующие сдерживанию процессов упадка империи:

- 1) жесткая централизация и контроль над периферией
- 2) удачное геополитическое окружение, способствующее выгодным союзам
- 3) удобное географическое положение

³² Тилли Ч. Как умирают империи. // Журнал «Политическая наука». 2013. № 3. С. 216-229.

³³ Мотыль А. Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств. М., 2004. С. 124.

- 4) получение сверхприбыли от товаров или финансовая поддержка извне, необходимые для поддержания расходов на прежнем уровне.

Указанные переменные соответствуют приведенным причинам разложения империй, которые, в свою очередь, являются ее дисфункциями, если рассматривать империю в соответствии со взглядами С. Кэспэ. Следовательно, империя, не выполняющая функции, которые определяют ее сущность, рискует распасться.

За прошедшие три столетия Россия была ядром как минимум двух держав имперского типа, которые, несмотря на диаметрально противоположные политические и культурные основания, имели немало черт сходства.

Итак, чтобы ответить на вопрос, какие особенности являются ключевыми для империй, существовавших на территории России, необходимо понять в каких условиях формировалась имперская идентичность.

Как было упомянуто выше, в самой сущности империи проявляется то, что она выступает как пространство, на котором вынуждено взаимодействовать между собой и с властями множество различных этнических групп. В XIX веке Россия, как многонациональная империя, столкнулась с историческим вызовом, связанным с общеевропейским подъемом национальных движений.

Начиная с Петра I, российские государственные деятели при проведении реформ в той или иной мере брали за образец политические отношения, институты и структуры, утвердившиеся в странах западной Европы. Ввиду этого, во второй половине XIX века сложилась парадоксальная ситуация.

Политические условия, сложившиеся после Крымской войны, требовали от России ускорить развитие экономики для того, чтобы сохранить значимое положение среди европейских держав, ушедших вперед в своем развитии. Экономическое развитие было тесно связано с культурным, с ростом числа образованных людей. В случае отдельно взятой территории, на которой компактно проживал некий этнос, это могло привести к выделению

патриотически настроенной интеллигенции, что, согласно концепции Мирослава Хроха³⁴, является одной из фаз развертывания национального движения. С. Каспэ также указывает на связь между экономическими и культурными процессами модернизации и ростом национального самосознания³⁵. Подробное исследование межэтнических противоречий, связанных с подъемом национальных движений в Царстве Польском, Прибалтике, Западном крае, то есть на территории современной Украины, и попытки их разрешения в рамках имперской системы управления проведено в работах А. Каппелера³⁶, А. Миллера³⁷, М. Долбилова³⁸.

Таким образом, для имперского характера власти в России модернизация создавала неминуемую угрозу, так как влекла за собой усиление национально-государственного компонента политической культуры. Однако, ее проведение было необходимо, несмотря на то, что это существенно изменяло обычную политику центра империи по отношению к периферии.

Что касается модернизации, то одним из условий для успешного прохождения ее процессов в обществе С. Каспэ называет «политическую интеграцию, объединяющую общество вокруг некоего надгруппового социального проекта».³⁹ Поскольку Россия, как указывалось выше, следовала образцам, принятым в Западной Европе, именно национализм играл эту роль. Либерально-демократическая направленность Великих реформ Александра II, в целом открыв обществу новые горизонты развития и подарив крестьянам личную свободу, способствовала сглаживанию сословных различий в правах. Закрепощенные крестьяне были в основной своей массе русскими,

³⁴ Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 137.

³⁵ Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм. 2002. С. 121-146.

³⁶ Каппелер А. Россия- многонациональная империя. М., 2000. С. 159.

³⁷ Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 192.

³⁸ Долбилов М. Поляк в имперском политическом лексиконе // Новое литературное обозрение. 2011. №2. С. 45-58.

³⁹ Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М., 2001. С. 147.

соответственно, «сделалось возможным развитие России в национальном смысле».

Таким образом, Великие реформы способствовали развитию и укреплению националистических тенденций в обществе. Проекты, предлагавшиеся интеллектуалами, разделявшими националистические установки, выдвигали различные решения этнополитических проблем, накопившихся в связи с активно российской экспансией на запад в конце XVIII и начале XIX веков. Как правило, данные проекты реформирования государства сочетали в себе принципы национального и демократического государства, в котором жители получали политические права, что было неприемлемо для российского самодержавия, чей авторитет все еще опирался на представления о сакральном происхождении государственной власти.

Иную точку зрения на становление Российской империи как государства имеет отечественный и британский исследователь А.М. Эткинд. Он предлагает оригинальную концепцию «внутренней колонизации», утверждая, что на протяжении всей истории внешней территориальной экспансии, одновременно шел процесс внутреннего осваивания новых земель, то есть Россия была одновременно субъектом и объектом колонизации⁴⁰. У колониализма существует несколько ключевых признаков – географическая дистанция между колонией и метрополией, культурное разделение, экзотизация местного населения, а также политическая и экономическая зависимость. Автор предлагает пренебречь первым параметром, указывая, что наземные путешествия зачастую были гораздо более трудозатратными, чем морские, и обратить внимание на способы управления «принудительные, коммунитарные, экзотизирующие»⁴¹, которые Россия использовала для управления собственными территориями. Так, система власти оказывается отделенной от своих подданных, рассматривая их как непредсказуемых, загадочных и чуждых, а они, в свою очередь, ощущают этот культурный

⁴⁰ Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013. С.9.

⁴¹ Там же. С.16.

разрыв. Следовательно, в механизме управления территориями, культура являлась и инструментом, и источником опасности.

Закат монархии в 1917 году и возникновение СССР в 1921, кардинально изменили общество и его идеологические основания, однако Д. Ливен, в числе многих исследователей, прямо пишет о том, что «большевикам удалось...воссоздать русскую империю в Северной Евразии»⁴². Несмотря на то, что в СССР понятие империи воспринималось в негативном ключе, по своим особенностям организации, системе управления территорией, он вполне подходит под этот термин. В представление об универсальной миссии вселенского, неограниченного масштаба укладывается социалистическая идея. Стремление к экспансии, индивидуальный подход к распределению полномочий для каждой территории, взаимодействие центральных и местных элит также относятся к признакам империи подробно рассмотренным выше.

Первоначальная, и декларируемая впоследствии, идея союза равных республик, на практике не просуществовала долго. Экономически и политически центральная Россия была наиболее активным и развитым регионом.

Таким образом, можно заключить, основной признак имперского типа государственности состоит в особенностях управления составляющих империю территориях. Многонациональная и разнородная общность требует не только административных и политических инструментов управления, но и продуманной культурной политики. Устойчивость империи опирается в первую очередь на чувство единства, чьи корни лежат в ощущении внутренней связи населяющих государство народов как между собой, так и с властью, общей истории развития, побед и поражений. Без него невозможно существование настолько крупного государственного образования, в котором, в отличие от национального государства, надгрупповая идентичность и

⁴² Ливен. Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 355.

легитимизация политического порядка основаны в большей степени на воспринимаемых сферой чувств символах единства и преемственности.

1.2. Особенности и функциональные характеристики российского имперского мифа

Для выявления особенностей и функциональных характеристик российского политического мифа необходимо проанализировать понятие «политический миф» и обратиться к его исторической роли в политической культуре России. Так, некоторые события и явления современной политической действительности, кажущиеся на первый взгляд нелогичными и невозможными для объяснения, могут стать понятными, если рассматривать их с точки зрения мифологической логики, дающей ответы на вопросы, которые невозможно объяснить с рациональной точки зрения.

Политический миф является составным элементом символической политики, одной из функций которой выступает легитимация существующего политического порядка. Так как империя - невероятно сложное политическое образование, и нуждается в поддержании ореола сакральности вокруг государственной власти, в доступных и универсальных символах единства, политический миф становится необходимым и актуальным инструментом. Поскольку он далеко не всегда носит форму повествования, способность мифа проникать во все слои культуры – от изложения исторических событий до художественных произведений, и проявлять себя в различных формах, например повествовательной или визуальной⁴³, его всеобъемлющий характер и влияние не всегда очевидны. Тем не менее, все исследователи современного мифа, несмотря на разнообразие точек зрения относительно его природы, проявлений и функций, считали, что мифологическое мышление присуще каждому человеку⁴⁴.

⁴³ Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004. С. 40.

⁴⁴ Щербинина Н.Г. Политический миф России. Курс лекций. Томск, 2002. С. 98

Исследования сущности и функциональной составляющей политического мифа начались в первой половине XX века с работ Б. Малиновского, М. Элиаде, Дж. Фрэзера, изучавших архаичные общества.

Ян Ассман, также исследовавший культуру древних цивилизаций, обозначает миф в том числе как обращение к прошлому, которое «проливает свет на настоящее и будущее»⁴⁵. Из этого определения вытекают две функции: осмысление, оправдание настоящего и выявление в нем недостатков, контрастирующих с героической эпохой. Соответственно, из мифа можно почерпнуть диаметрально противоположные отношения к прошлому: прошлое как невозвратимая эпоха и прошлое как утопия, которую необходимо воплотить в жизнь.

К. Флад в своей работе «Политический миф. Теоретическое исследование», рассматривая уже строго миф, связанный с политической жизнью общества, обращает особое внимание на его связь с архаичным священным мифом и политической идеологией, помещая его в промежутке между этими явлениями⁴⁶. Он определяет политический миф как форму объяснения мира, цельное повествование о прошлом, в котором раскрывается происхождение общества, его герои и их подвиги, рассказывающим о настоящем и будущем, о грядущем обновлении и возрождении. Так или иначе, мифы раскрывают некоторую перспективу для общества или группы, в которых они циркулируют.

Важным является то, что миф – это история принятая как безоговорочная, неоспоримая истина, она нерелексивна и поддерживается верой в нее. Авторитет мифа опирается на то, что в процессе передачи аудитория уже воспринимает его как изложение общепринятых фактов.

⁴⁵ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С.83.

⁴⁶ Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004. С.39.

Политический миф, также как и любой другой, состоит из нескольких структурных элементов. Согласно В.С. Полосину, это:

- 1) архетип, закрепленная схема поведения в конкретной ситуации, многократно повторенная в общественных отношениях причинно-следственная связь
- 2) смысловое содержание
- 3) система образов, с помощью которой содержание личного опыта переходит в иносказательную историю через соотнесение его с архетипом.⁴⁷

Касательно функций мифа существует масса классификаций, которые затрагивают те или иные его аспекты, например:

- 1) хранение совокупного политического опыта в иносказательной форме, соотносящей его с представлениями об абсолютной стабильности
- 2) воспроизведение данного опыта в идеологии, в политических (национально-государственных) церемониях и ритуалах
- 3) соотнесение желаний и потребностей общества, отдельных социальных групп, корпораций и народа в целом с совокупным опытом, обобщенным до уровня архетипов
- 4) важнейшая функция политического мифа – легитимизация властных институтов и носителей верховной власти в стране.⁴⁸

Н.С. Щербинина предлагает следующие функции политического мифа⁴⁹:

- 1) коммуникативную
- 2) аксиологическую, то есть как средство самовосхваления группы

⁴⁷ Полосин В.С. Миф, религия, государство. М., 1999. С.47.

⁴⁸ Михайлов Д.Н. Политическая мифология: проблема определения, структура и функции // Вестник Воронежского государственного университета. 2010. №2. С.124.

⁴⁹ Щербинина Н.Г. Политический миф России. Курс лекций. Томск, 2002. С. 15.

- 3) интегративную, раскрывающую роль мифа в легитимации и конструировании политического порядка и идентичности
- 4) охранительную, понимаемую как поддержание стабильности политической структуры
- 5) адаптационную
- 6) мобилизующую, как указывающую направление развития.

Так, можно заметить, что функция легитимации является одной из наиболее значимых для политического мифа. Ввиду того, что в архаичных обществах наиболее легитимным считалось сакральное, то миф, согласно М. Элиаде, «рассказывает о деяниях сверхъестественных существ и о проявлении их могущества ... становится моделью для подражания при любом, сколь-нибудь значительном проявлении человеческой активности»⁵⁰. Сегодня, утратив такую всепроникающую способность в значительно усложнившемся обществе, миф все же остается действенным фактором легитимационной политики, так как по-прежнему существует за счет веры в него. Важно понимать, что на практике процесс легитимации затрагивает различные сферы общественного сознания и слои общества, так как имеет несколько измерений. Грэм Гилл, в работе посвященной символической политике в Советском Союзе выделяет следующие измерения, или виды легитимации⁵¹:

- 1) идеократическое, отражающее веру в идеологию режима
- 2) телеологическое, основанное на вере в достижение конечной цели
- 3) харизматическое, определенное верой в сверхчеловеческие качества
- 4) националистическое, которое апеллирует к традициям и корням
- 5) перформативное, как удовлетворение нужд и желаний граждан
- 6) демократическое, основанное на убеждении, что элита управляет от имени большинства

⁵⁰ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. С.17.

⁵¹ Gill. G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. New York, 2011. P. 25.

- 7) легально-рациональное, для которого характерно соблюдение правил и процедур, подкрепленных силой закона.

Стоит отметить, что в уже упомянутой работе К. Флада связь политического мифа и идеологии раскрывается через указание на то, что миф является именно «идеологически маркированным рассказом о событиях прошлого»⁵², то есть содержит в себе как внутренний посыл некую, возможно даже несознательно выраженную, идеологическую позицию. Сходное, и даже более радикальное отношение к мифу, как к инструменту для оправдания и продвижения политических интересов можно встретить в работах Р. Барта⁵³. Его концепция «надстройки» второго смысла над первичным образом или высказыванием, который используется как доступный материал для донесения некоего сообщения, описывает миф как «вторичную семиологическую систему». Лингвистическая система по отношению к ней имеет подчиненное положение, используется для построения языка мифа или «метаязыка» и «выходит за рамки естественного языка»⁵⁴. Соответственно, формой мифа выступает буквальный смысл высказывания, на который накладывается его значение.

Так, согласно Р. Барту, функцией политического мифа становится деформация изначального смысла сообщения, которое может проявляться как высказывание или художественный образ⁵⁵. О связи идеологии и мифа также писал Г. Гилл, который ввел для ее объяснения дополнительное понятие метанарратива. Согласно его концепции, во времена культурных изменений происходит трансформация норм и ценностей, которые определяют облик общества, отношения его членов с друг другом и государством. Поскольку «тело» новой идеологии включает в себя целый комплекс информации, в своем полном виде она, зачастую, недоступна для понимания широких слоев

⁵² Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. М., 2004. С. 40.

⁵³ Барт Р. Мифологии. М., 2008. 351 с.

⁵⁴ Там же. С. 271.

⁵⁵ Там же. С. 280.

населения, так как ее сложно быстро передать без специальных средств коммуникации. Метанарратив, через символические конструкции – мифы, позволяет выстроить описание идеологии без буквального изложения и наладить коммуникацию. Мифы, в свою очередь, отображаются в символах, которые в упрощенном, но доступном виде передают сложные для понимания идеи. В работе Г. Гилла представлены четыре основных пространства для символов, с которыми мы сталкиваемся ежедневно: язык, визуальное искусство, физическое пространство и окружение, ритуал.⁵⁶

Российский исследователь современной политической мифологии В. Полосин в своем труде «Миф. Религия. Государство» на основе всего многообразия взглядов предшественников и современников на явление мифа выделяет десять концептуальных подходов к исследованию проблемы мифа и различных аспектов мифологии, а именно: абстрактно-аллегорический, материалистический, филологический, социологический, социально-психологический, трансцендентальный, структуралистский, символично-романтический, теистический и универсалистский⁵⁷. Однако, в статье К.Ф. Завершинского⁵⁸ указана важность изучения политического мифа через призму «драматургии власти», поддерживающей коллективные представления.

Также в фундаментальной работе К. Хюбнера, посвященной соотношению искусства, религии, культуры и мифологических представлений, в четвертой части исследуются взаимосвязи понятий мифа и нации в контексте современности мифического. История, через которую определяется нация, есть цепь наиболее выдающихся, определяющих будущее событий⁵⁹, «триумфов» и «травм», если использовать термины, предложенные Б.Гизеном⁶⁰. Мифы актуализируются через коллективные торжества, которые

⁵⁶ Gill. G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. New York, 2011. P.6-15.

⁵⁷ Полосин В.С. Миф, религия, государство. М.,1999. С. 49.

⁵⁸ Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики. // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2015. №2. С. 24.

⁵⁹ Хюбнер К. Истина мифа. М., 1996. 448 с.

⁶⁰ Giesen V. Triumph and trauma. Cambridge. 2004. 206 p.

взывают к памяти этих давно прошедших событий и иносказательно инсценируют их, через атрибуты власти, чье содержание гораздо богаче и шире, нежели их практическая значимость.

В России имперского периода миф о происхождении власти царей и императоров, династический миф, проявлял себя во многом через театр власти, разыгрываемый при дворе, являлся неотъемлемой частью придворной жизни. Весь церемониал, как отмечает Р.Уортман⁶¹ в предисловии к своей работе «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии» был направлен на инсценирование исторических отношений между правителем и дворянством. Миф, утверждавший иноземное происхождение власти обосновывал дистанцию между императором и подданными, а источники сакральности черпались в иноземных символах, например, после падения Византии, образ христианской империи был поглощен молодым Московским государством.

Способы презентации мифа требовали свидетелей, способных в дальнейшем донести приведенный сценарий до более широкой публики. С течением XIX века, распространением массовой печати и производства, увеличением численности класса чиновников шел рост числа привлекаемых зрителей. «Сценарий вводит конкретное событие в символический контекст»⁶², то есть каждое новое царствование, каждое событие, происходившие во время него, составляют единую историю, которая как раз и рассказывает миф власти через определенные сценарии. С началом модернизации и трудностей, которые она повлекла за собой, государственная власть начала искать новые способы презентации имперской идентичности, с чем связаны, к примеру, массовые торжества рубежа XIX-XX веков, которые могут быть причислены

⁶¹ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 17-22.

⁶² Там же. С. 27.

к ритуальным действиям. К.Н. Цимбаев⁶³ говорит о том, что за последние десять лет существования монархии было отмечено около ста шестидесяти различных памятных дат. Он даже использует термин «юбилеемания» для описания российской общественной жизни этого периода, подчеркивая, что это явление целиком вписывается в общеевропейскую праздничную культуру начала века. Важной особенностью российских юбилеев было то, что главными носителями идеи и исполнителями торжества являлись государственные сановники, привлекавшее для этого армию и православную церковь. Поводы, выбранные для проведения таких торжеств, тщательно отбирались. Юбилейные даты реформ Ивана Грозного, Екатерины Великой, Александра II, не отмечались, также как, к примеру, 300-летие введения патриаршества и 350-летие Стоглавого собора. По мнению К.Н. Цимбаева это косвенно подтверждает идею о «продуманной государственной политике в области юбилейной культуры и желании подчинить бесконечные торжества единой цели - власти избегали даже намека на возможность любых реформ и потрясений при самодержавии»⁶⁴.

Революционные события 1917 года радикально изменили господствующую идеологию, которая, тем не менее, нуждалась в репрезентации. Г. Гилл выделяет шесть основных мифов, вокруг которых выстраивалась советская идентичность:

- 1) основание режима и Октябрьская революция
- 2) построение социализма
- 3) качества руководства и его способность привести общество к коммунистическому будущему
- 4) наличие внутренних врагов партии
- 5) наличие противников коммунизма вне страны

⁶³ Цимбаев К. Н. Феномен юбилеемания в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века // Вопросы истории. 2005. №11. С. 98–108.

⁶⁴ Там же. С. 102.

б) победа в войне⁶⁵

Со временем они претерпевали изменения в соответствии с идеями, которые партия хотела донести до населения, либо ввиду проблем и вызовов, с которыми сталкивалось государство. Однако, так или иначе, данные мифы оставались центром символического пространства.

Так, можно отметить, что предпосылки к внутренним противоречиям, угрожающим империи как форме государственности, заложены в ее структуре и выполняемых ею функциях. Угроза утраты властью сакрального статуса вынуждает ее постоянно искать устойчивые основания для легитимации в политических мифах и символах, их отражающих.

Несмотря на радикальное неприятие такого определения, СССР являлся по своим структурным особенностям государством имперского типа, и, будучи преемником Российской империи, унаследовал как ее проблемы, так и методы их решения. Так, общая стратегия, изменив содержание, осталась прежней – создание образа желаемого будущего через конструирование и актуализирование прошлого, вызываемого к жизни имперским мифом.

На основе всего вышперечисленного, можно сказать, что российский имперский миф определяется функциями политического мифа как такового и особенностями имперского типа государственности, в котором особую роль играет символическая политика, транслирующая универсальную наднациональную идею. Следовательно, имперский политический миф был призван решить следующие две задачи: консолидировать многонациональное население империи и легитимировать верховную власть.

⁶⁵ Gill. G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. New York, 2011. P.5.

Глава 2. «Символические измерения политического мифа России»

В данной главе будут проанализированы основные политические мифы, определявшие в течении нескольких веков то, каким образом выстраивались отношения между властителями и подданными, как власть закрепляла свою легитимность, используя символы и ритуалы. Также будут рассмотрены символические фигуры и события, содержащие в переработанном виде память о наиболее значимых для общества страницах истории. Для этого необходимо проследить во времени эволюцию символических фигур и действий, изучить способы их репрезентации. Благодаря этому можно будет выделить основные черты исторической и коллективной памяти современной России, понять какие события из богатого наследия имперской и советской эпох остаются актуальными, каким образом общество старается сохранить их и увековечить, выстраивая таким образом свою идентичность.

2.1. Место и роль политического мифа в эволюции политической культуры России

Для того чтобы проанализировать роль мифо-ритуальных практик в эволюции политической культуры России необходимо обратить внимание на процесс передачи из поколения в поколение политических мифов, символов, фигур и изменение их прочтений. Так, при изучении эволюции социально-политической памяти представляется значимой концепция американского исследователя Дж. Олика, который обосновывал процессо-реляционную методологию исследования коллективной памяти. Для нее характерно не инструментальное восприятие памяти, сводящее ее к объекту, который можно изучить целиком, но как способа деятельности, процесса. Особый акцент делается на значимости фигураций памяти – изменчивости отношений между прошлым и настоящим. Так, коллективная память предстает не как заданная объективная реальность, а первую очередь, то, как эволюционирует,

изменяется восприятие прошлого со временем, что исчезает и уходит в тень, а что становится актуальным и значимым. В данном способе анализа память предстает социальной деятельностью, для изучения которой ключевыми являются четыре концепта:

- 1) поле, или сегменты общества – институты, группы, в которых производятся и соревнуются версии прошлого
- 2) средство, то есть текущие репрезентационные формы через которые память передает опыт
- 3) жанр, или работа памяти во времени, то каким образом выстраивается диалог между прошлым и настоящим
- 4) профиль, так как память является интегративной частью политической культуры и ее необходимо изучать комплексно, вместе со всеми смысловыми сегментами⁶⁶.

Процессо - реляционный подход трактует символы не как выразительные средства, используемые в качестве инструментов в борьбе за ресурсы, а как предпосылки для конструирования политических интересов и идентичности в обществе. Политика, таким образом, есть часть процесса выработки для общества собственной идентичности. Для него характерно постоянное обращение к процессу вспоминания, который является основной средой, откуда в ходе споров и дискуссий черпается идентичность.

Американский исследователь Грэм Гилл, в своей работе, посвященной символам и мифам советского государства, уточняет, что все мифологии мира выстраиваются вокруг трех наиболее универсальных тематик: существование заговора врагов группы или государства, пришествие спасителя, избавляющего всех от угрозы, наступление золотого века⁶⁷. Поскольку данные тематики при буквальном прочтении весьма архаичны, необходимо обратить

⁶⁶ Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. // Социологическое обозрение. 2012. №1. С.47-68.

⁶⁷ Gill. G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. New York, 2011. P.4.

внимание на другие способы анализа и классификации мифологических фигур. Бернард Гизен предлагает обратить внимание на следующие четыре:

- 1) Герой. Победитель, преодолевающий все бедствия, с которыми столкнулась группа, источник воодушевления и почитания. С этой фигурой связываются воспоминания о триумфе – наивысшей точке развития общества, подтверждающей его сакральное предназначение.
- 2) Побежденный герой - трагическая фигура, олицетворение травмы, нанесенной сообществу
- 3) Жертва. В отличие героя, не является субъектом борьбы или иного действия. Воспоминания о жертвах также становятся источником для глубоко травматических переживаний в обществе. Исторически почитание жертв не было широко распространено, однако в последние десятилетия именно это становится наиболее распространённой формой «политики памяти»
- 4) Преступник. Зачастую общество отказывается включать в свою идентичность фигуру преступника, что связано с категорией вины, рассмотренной в дальнейшем.

Говоря о сценариях презентации власти в Российской империи, можно заметить, что титул императора, принятый Петром I, является метафорой, отсылающей к лидерам Древнего Рима, военным вождям-триумфаторам. Основным источником значений для него является связь с римской традицией, принятая в просвещенных монархиях Европы, которые Петр I использовал как пример того, как должна выглядеть верховная власть. Этот термин символизирует правителя суверенного, абсолютистского государства, выстроенного вокруг монарха, в образе которого пересекаются фигуры триумфального героя и завоевателя. Корни выверенных придворных ритуалов также лежат в пышных выездах победителей-триумфаторов, нацеленных на демонстрацию личной доблести и харизмы. Произошедшее в XVIII веке

смещение акцентов с военных качеств правителя на более светские и соответствующие идеалам просвещенной монархии, трансформировало этот сценарий презентации власти в тщательно продуманные, глубоко символические и строго соблюдаемые ритуалы, полностью регламентировавшие придворные мероприятия. Одной из причин того, что Петр I черпал символику верховной власти именно в западноевропейских образцах служит уже упоминавшийся в первой главе миф о происхождении царской власти. Согласно ему, «королевское достоинство является иноземным»⁶⁸, соответственно, первоначально правители России опирались на две взаимопроникающие концепции. Первая – основание Руси как государства варяжскими князьями, то есть силой, призванной или пришедшей извне. Вторая – принятие христианства, которое не только вводило Русь в контекст священной истории, но и привнесло образ христианского государя, чья власть берет начало в высшей Божьей воле. В то же время крещение Руси проходило как «завоевание – жесткое насилие, осуществляемое русским князем, запретившем все местные языческие верования»⁶⁹. Так, миф о варягах был призван возвысить княжеский род над управляемым им населением, а подражание византийским императорам в используемых религиозных символах было нацелено на демонстрацию величия верховной власти.

Важно отметить, что во всех мифах о зарождении и становлении российской государственности внешним силам была отведена цивилизирующая роль. Династия Романовых также обращалась к мифам об иноземном происхождении, используя символическое наследие западных монархов, для того чтобы укрепить основания собственной собственной легитимности, которые подрывал факт избрания Михаила Федоровича Земским Собором. Такая трактовка помогала создать надэтнический, универсальный образ монархической власти, символизировала «религиозные,

⁶⁸ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002, С. 42.

⁶⁹ Там же. С. 43.

культурные и исторические основания быть абсолютными правителями России»⁷⁰, что полностью согласуется с имперским принципом сакрализации верховной власти.

Однако, уже во второй половине века в связи с происходившими во внутренней политике процессами перехода от имперских установок к национальным, государственная власть начинает искать иные способы презентации для утверждения нового государственного проекта национальной имперской идентичности.

К примеру, начинает создаваться новый русско-славянский образ самодержавной власти, в котором особо подчеркивается, что «славянское» понимается через «русское». Уже в 1866 году, в отчетах министерства иностранных дел говорится о необходимости взять на себя «моральное руководство» славянским движением, дабы «исполнить... историческую миссию на Востоке»⁷¹.

Распространение представления о России как о «центре славянского мира», главной защитнице интересов всеславянской общности вызывало сочувствие в широких массах к славянам, проживающим на Балканском полуострове и в Австро- Венгрии, что сыграло большую роль во время русско-турецких войн и в начале первой мировой войны.

В процессе рассмотрения культурной жизни России начала XX века, можно заметить, что осуществлялся ряд попыток ввести в символическое пространство империи культурные образцы «допетровской Руси». Это было обусловлено как личными симпатиями императора Николая II, так и в целом стремлением императорского престола найти ресурсы для влияния на общество в мифологических образах прошлого.

⁷⁰ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002, С. 53.

⁷¹ Павленко О.В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX- начала XX века: политические мифы имперской власти. Новая и новейшая история. 2014. № 1. С. 124.

Каким образом культивировались на самом высоком уровне традиционалистские, патриархальные ценности и как происходила реконструкция идеализированных образов XVI-XVII века можно увидеть на конкретном примере последнего широко отмеченного в имперской России торжества - трехсотлетия дома Романовых. Во втором томе работы “Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии” американский исследователь Р. Уортман проводит анализ смыслов, которые вкладывала государственная власть в данное торжество.

Рассмотрев различные источники - от издававшихся накануне юбилея исторических работ до сообщений прессы, автор сообщает о двух различных трактовках событий 1613 года, связанных с восхождением на престол первого царя династии Романовых - Михаила. Первым Р. Уортман называет «государственнический» нарратив, уделявший «особое внимание возникновению концепта нации помимо личной фигуры монарха»⁷², а вторым – «монархический», рассматривающий царя и царскую семью как главных действующих лиц в событиях 1613 года. Монархический нарратив подчеркивает неделимость нации и царя, взывает к «личным органическим связям между царем и народом, выражающимся в драматических актах индивидуального самопожертвования».

Согласие Михаила Романова принять царский престол рассматривается в нем как образцовый акт жертвы, при котором благо народа ставится выше личной выгоды. Сакральный образ самоотречения царя связывался с символической фигурой героя – спасителя своего народа, в то время как сама эпоха связанная с правлением его самого и Алексея Михайловича, мифологизировалась и преподносилась как «золотой век» единства подданных и государя. Исторические реалии XVII века, прозванного

⁷² Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2002, С. 598.

«бунташным» за многочисленные крестьянские выступления, при этом оставались в тени.

Р. Уортман сообщает о том, что в день официального торжества в Санкт-Петербурге, перед богослужением в Казанском соборе был зачитан манифест, написанный А.В. Кривошеиным и отредактированный лично Николаем II. Из его текста царь лично исключил слова о «единении с выборными от народа призванными... к участию в законодательстве». Это является отличной иллюстрацией гипотезы, высказанной Р. Уортманом, о том, что Николай II считал конкретные государственные учреждения и институты скорее помехой в деле управления государством, поскольку видел основание своей власти в любви и преданности народа монарху, все остальное уменьшало «былой престиж и затемняло ореол Царя Московского, управляющего Россией, как своей вотчиной»⁷³.

Методы, использовавшиеся для увеличения народной поддержки Николая II во многом совпадали с теми, которые были задействованы в Австро-Венгрии, где император Франц Иосиф I также столкнулся с проблемами, вызванными к жизни многонациональным характером государства и модернизацией. Образ царя распространялся через сувениры и прочие предметы, задействованные в каждодневном быте, проправительственные брошюры для крестьян и книги, в которых публику знакомили с личностью государя.

Как писал В. Полосин – «легитимированный глава империи сам становится ее символом»⁷⁴. Тем не менее, цель, стоявшая за популяризацией образа последнего императора России, не была достигнута. Николай II верил в исконный союз царя и народа, не нуждающийся в рациональном обосновании. В соответствии с его волей и общей тенденцией формировались

⁷³ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2002, С. 630.

⁷⁴ Полосин В.С. Миф, религия, государство. М., 1999, С. 242.

способы презентации власти, но созданный образ «народного самодержавия» вступал в конфликт с ожиданиями общества, желавшего прогрессивных реформ и изменений.

Идеализированная трактовка российской истории, превратившейся в историю русской нации, поощрение радикальных националистических движений на фоне бурно имперский принцип позиционирования власти как хождение сакрально, а авторитет непререкаем.

Как и миф об иноземном происхождении власти, так и сакрализация первых монархов из династии Романовых, была призвана сплотить общество вокруг сакральной фигуры правителя, наделенной универсальной, наднациональной властью. Однако, предлагаемый властью образ российской идентичности уже не мог быть совмещен с бурно развивающимися процессами модернизации, а революция 1917 года радикально изменила метанарратив, который следовало донести до населения новой советской республики.

Однако, как пишет А.М. Эткин «разрыв, созданный революцией в теле истории, был велик; огромны были и силы преемственности»⁷⁵. Перед Советским союзом, унаследовавшим имперский тип управления территориями стояли схожие задачи, для решения которых также использовались политические мифы. В течении первых двух десятилетий существования СССР основной целью советской идеологии было дистанцироваться от культурных образов, на которых была выстроена Российская империя. Новый «золотой век» теперь был направлен в будущее, его необходимо было достичь сначала через всемирную рабоче-крестьянскую революцию, а впоследствии с помощью построения социализма в отдельно взятом государстве. Для внедрения символов нового государства власть обращалась к самым различным инструментам. Среди них – язык, в котором

⁷⁵ Эткин А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2013, С. 10.

соединялись идеологические термины и конкретные проявления социальной реальности, художественное искусство, например, плакаты в стиле авангард. Символическое оформление пространства погружало людей в принципиально новую среду, менялись названия улиц и городов, уничтожались старые памятники и строения, а на их месте возводились новые, призванные служить советскому человеку. К символическому оформлению времени можно отнести ритуалы, призванные внедрить определенный тип поведения. Рождение, смерть, брак – все эти каждодневные, обыденные события проходили по-иному, появившиеся новые праздники, годовщины создали новую точку отсчета времени – от Великой Октябрьской революции.

Так, поскольку, основными задачами мифов, как носителей нового метанарратива, было легитимизировать существование советского государства и разорвать связь с монархическим прошлым, они были тесно связаны между собой. Миф о наличии могущественной внешней угрозы побуждал сплотиться ради защиты Отечества, мифологизация роли В. Ленина, как лидера Великой Октябрьской революции способствовала его харизматической легитимации, а миф о внутренних врагах, препятствующих построению социалистического государства оправдывал форсированный характер индустриализации и коллективизации.

В дальнейшем, важнейшими источниками легитимности стали культ личности И. Сталина, «вождя народов» и Великая Отечественная война. Миф о войне вобрал в себя широчайший спектр образов – от триумфальных и травматических событий до символических фигур героев, жертв и врагов. Г. Гилл выделяет три типа героев⁷⁶:

- 1) Военачальники, ответственные за командование войсками и стратегию; очевидными примерами могут служить Сталин и Жуков

⁷⁶ Gill. G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. New York, 2011, P.143.

- 2) Обычные солдаты, готовые пожертвовать жизнью в случае необходимости, как например А. Матросов
- 3) Мученики, сохранившие верность Отечеству невзирая на пытки, как в случае с Зоей Космодемьянской

Также в течении всей войны часто обращались к героическим образам из русской истории – А. Невскому, Д. Донскому, А. Суворову, которым посвящались литературные, художественные и кинематографические произведения. Это позволяет говорить о некотором отступлении от надэтнической, подчеркнута универсальной советской культуры и обращении к традиционным фигурам российской государственности.

В рамках героического мифотворчества образы врага были подчеркнута дегуманизированы как в речи политических лидеров, так и в изобразительном искусстве. Н.Г. Щербинина пишет о том, что «зооморфные метафоры призваны вызвать брезгливость и стремление осуществить символический ритуал «очищения» от скверны»⁷⁷.

Таким образом, мифо-ритуальные практики во многом определили стратегию эволюции политической культуры России, поскольку при изменении политических мифов и символов, их выражающих, новые метанарративы вбирали в себя старые, обеспечивая поступательное и непрерывное развитие политико-культурной сферы. Даже революция 1917 года, добавив в содержание мифов новые образы для решения конкретных задач, стоящих перед властью, не привела к радикальному отказу от традиционных метафор. Если для эпохи монархии естественным было искать основания для легитимности в мифе об иноземном происхождении, подтверждающем сакральность и универсальность власти императоров, то в СССР для этого использовались харизматические качества вождей, миф о

⁷⁷ Щербинина Н.Г. Героические конструкции политической коммуникации в контексте ценностного противостояния на Украине // Вестник Томского государственного университета. 2014. №3. С. 77.

построении нового «золотого века» - коммунизма и миф о наличии внешней угрозы, призванный сплотить общество вокруг вождя.

2.2. Мемориальные практики социального конструирования политического мифа и их роль в современной политике идентичности

Анализируя специфику мемориальных практик как инструментов для воспроизводства политического мифа и их роли в социальном конструировании политической идентичности, невозможно не соприкоснуться с понятием «исторической памяти». Наиболее значимые работы в этой области тесно связаны с интерпретацией и анализом дискурса вокруг наиболее масштабных и болезненных событий XX века. Россия является государством с имперским культурным наследием, более трех столетий существовавшим в рамках данного типа государственности. Следовательно, понимание связи между особенностями культурной и исторической памяти, а также способами актуализации прошлого в политико-культурном пространстве современности, поможет раскрыть роль имперского мифа как смыслообразующего элемента в легитимации государств имперского типа.

Однако, что подразумевается под «исторической памятью»? В чем ее отличие от индивидуальной памяти, или, к примеру, истории? М. Хальбвакс, создавший одни из первых работ в этой области, предложил к рассмотрению феномен коллективной памяти. Он утверждал, что индивиду доступны два вида памяти, и, соответственно, два способа «вспоминания» событий. Первый - личные воспоминания и впечатления, частично находящиеся под влиянием социальных факторов, второй - безличные, разделяемые с группой. Вспоминая события, которые лично не пережили, мы полностью опираемся на внешние источники информации, «погружаемся в память других»⁷⁸. Следовательно, «чтобы прикоснуться к исторической реальности...необходимо выйти за пределы своего «я», усвоить точку зрения группы»⁷⁹. Невозможно придать

⁷⁸ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005, С. 17.

⁷⁹ Там же. С. 23-24.

смысл разрозненным индивидуальным воспоминаниям, не ориентируясь на информацию, получаемую извне, произведенную другими людьми. Память человека способна воспринять эти чужие воспоминания, только в том случае, когда они связаны с событиями, затронувшими его лично. Подчеркивая это, М. Хальбвакс замечает, что центральными для коллективной памяти группы являются черты сходства, позволяющие ей чувствовать «самотождественность во временном измерении»⁸⁰. Иными словами, группа старается сохранить без изменений конституирующие ее образы и символы, поскольку с их изменением необратимо изменится и сама группа. Таким образом история - это широкая панорама изменений, перехода одних форм в другие, тогда как коллективная память действует в конкретной группе в определенный период и дает ей образ самой себя.

Тем не менее, на сегодняшний день рамки понятия «историческая память» все еще остаются размытыми, исследователи используют в качестве синонимов культурную память, коллективную память, социальные представления, но всех их роднит общий объект изучения - образ прошлого, складывающийся в сознании больших групп людей.

Однако, почему именно в XX и XXI проблема изучения памяти стала так актуальна? Для этого есть несколько предпосылок: объективно - исторические, связанные уходом эпохи модерна, появлением новых средств коммуникации, но также вызванное ими изменение темпорального режима, способа восприятия и структурирования времени. И.М. Савельева и А.В. Полетаев⁸¹, также как и Дж. Винтер⁸², называют несколько схожих причин:

⁸⁰ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005, С. 48

⁸¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия [Электронный ресурс] // Историческая экспертиза: научн. журн. URL: http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya (дата обращения: 12.05.2018).

⁸² Winter J. Historical remembrance in the Twenty-First Century. // The annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008, №1, P. 8-9.

- 1) появление множества новых средств для фиксации и воспроизведения информации, что позволяет большим группам людей разделить недоступный им прежде опыт
- 2) стремление проанализировать, классифицировать культурную традицию модерна, вытекающее из постепенной утраты ею своего значения
- 3) уход из жизни очевидцев событий и необходимость зафиксировать их воспоминания в качестве свидетельств.

Важнейшим аспектом изучения исторической памяти все же является анализ соотношения концепций прошлого, настоящего и будущего, иначе говоря, темпорального режима. Немецкий историк А. Ассман, в своей работе «Взлет и падение темпорального режима модерна» приводит ряд теорий, характерных для эпохи позднего модерна. Первая - теория компенсации, в которой неизбежное ускорение, стремительные изменения в окружающем материальном мире и темпе жизни, рассматривается как негативный фактор, отрицательно влияющий на отношения индивида с окружающим миром. Способом компенсировать это влияние является «музейная ностальгия»⁸³, попытка сохранить прошлое в специально отведенных местах и предметах. Также, рассматривая в рамках своей работы характеристики восприятия времени, предложенные немецким философом Германом Люббе, А. Ассман выделяет среди них⁸⁴:

- 1) меры по отбору и сохранению исторических источников, на основе предвосхищения интереса к ним в будущем
- 2) «сокращение настоящего», срока актуальности идей и вещей

⁸³ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017, С. 171.

⁸⁴ Там же. С. 172-180.

- 3) «экспансия будущего», разрыв будущего с настоящим, невозможность его спрогнозировать, порождающая неуверенность в завтрашнем дне
- 4) «разрастание реликтов», в противовес третьему пункту, стремительное сближение прошлого с настоящим
- 5) сохранение классических произведений искусства, несмотря на культурные изменения
- б) «уплотнение сети» средств коммуникации, стирающее географические и культурные различия
- 7) «эмпирическая апокалиптика», отказ от амбициозных проектов будущего, распространение риторики и расчетов о возможных причинах конца человеческой цивилизации.

Так, в рамках теории компенсации прошлое рассматривается как «осколки» или «пережитки», необходимые для спокойного перехода в будущее, это опора для выстраивания более гармоничных отношений с окружающим миром. Иной подход к пониманию прошлого предлагала теория модернизации, рассматривавшая прошлое как нечто навсегда застывшее и ушедшее, оно «не предъявляет никаких требований к живущим»⁸⁵.

Однако, существует и третий подход к анализу темпорального режима - теория памяти, наиболее актуальная для данной работы. Для данного подхода характерно представление о прошлом как собрании смыслов, которые настоящее может бесконечно черпать оттуда. «Прошлое служит объектом притязаний и требований, содержанием признаний и обвинений, предметом присвоения и отторжения»⁸⁶. Соответственно, становится возможной и актуализация негативного опыта, исторических событий, которые можно охарактеризовать заимствованным из психоанализа термином «травма».

⁸⁵ Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017. С. 192.

⁸⁶ Там же. С. 193.

Истоки применения таких терминов как «травма», «вина» для описания психических состояний действительно лежат в индивидуальной психологии, но усилиями современных историков, антропологов и культурологов за последние три - четыре десятилетия они стали неотъемлемой частью исследований, посвященных исторической памяти и мемориальной культуре. Уже упомянутая выдающаяся работа немецкого социолога Бернарда Гизена «Триумф и травма», предлагает модель для изучения культурного поля памяти, позволяющую проанализировать «памяти» различных групп, сосуществующих в одном обществе. В ее рамках выдвигаются четыре основные фигуры - победитель, побежденный герой, жертва и преступник, которые являются основными действующими лицами триумфальной и травматической истории⁸⁷. Как уже было упомянуто, коллективная память о прошедших событиях не тождественна строго научному взгляду, в ней всегда присутствуют нерациональные, эмоционально-чувственные элементы, иными словами, мифы. Следовательно, политические мифы являются неотделимой частью коллективной исторической памяти. Поскольку основная функция последней заключается в способности дать обществу образ самого себя, сформировать его идентичность, а ключевой для мифа является функция легитимации существующего политического порядка и консолидации различных групп, очевидно, что от того, каким будет образ вызываемый к жизни памятью, зависит степень согласованности в обществе, и как производная от нее - устойчивость государства в целом. Соответственно, если коллективная историческая память находит свое выражение в мемориальных практиках, то и для политических мифов они также служат способом репрезентации.

Однако, говоря о «триумфах» и «травмах», нельзя не упомянуть такую категорию как вина, побуждающую активно обращаться к памяти жертв, которая раньше предавалась забвению. Связь коллективной идентичности с

⁸⁷ Хлекнюк Д. Бернанд Гизен. Триумф и травма // Социологическое обозрение. №2. 2010. С. 114.

тем, к какой из четырех фигур относит себя общество, выражается в отношении к «травматическим страницам собственной истории»⁸⁸. Как уже было упомянуто выше, в рамках теории памяти события прошлого не перестают быть актуальными и болезненными, и требуют разрешения через символическую проработку, то есть работу с памятью жертв.

Может и должна ли работа с памятью быть частью политики, проводимой государством? Так называемая «политизация истории», выражающаяся в многочисленных движениях, направленных на сохранение памяти группы в целом или конкретного события, также служит для ретроспективной легитимации и создания в обществе образа себя самого. Тем не менее, она представляет собой осознанное выстраивание отношений с прошлым для изменения социальной реальности. Основными элементами для этого служат политика запоминания и политика забвения. К первой относится создание мемориальных мест, поскольку коллективная и культурная памяти тесно связаны с определенными памятным местами, в которые люди вкладывают значение.

Мемориалы, как один из способов репрезентации исторической памяти, могут нести как положительную функцию, позволяя отдать дань героям или жертвам, так и негативную, служа напоминанием о причиненном другим насилии, формируя чувство вины и ответственности за прошлое. Мемориалы и памятники могут быть сооружены на нейтральных территориях или травматических местах. Характеристиками последних являются:

- 1) стремление посетителей интегрировать полученные от посещения впечатления в свой личный опыт, физически прикоснуться к истории как в некой разновидности «паломничества»

⁸⁸ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 194.

- 2) смешение точек зрения, так как, к примеру, памятное для жертв место реконструируется для туристов, теряет подлинную аутентичность
- 3) следы хода времени, наложение слоев истории друг на друга, создание истории травматического места за рамками события, уже в качестве памятника
- 4) многообразие точек зрения на место памяти, а соответственно, и смыслов, которые в нем можно почерпнуть⁸⁹

Мемориальные практики могут быть связаны не только с пространственным измерением, но и с временным. Годовщины, юбилеи, дни скорби выступают как ритуалы, призванные придать горю форму, стабилизировать воспоминание о травме, встроить его в общественную жизнь.

Сама по себе, мемориальная политика служит способом дать выход скорби и сожалению. Дж. Винтер, подробно исследовавший дискурс коммеморации вокруг событий Первой мировой войны, пишет о том, что первые памятники неизвестному солдату были обязаны не только огромному числу погибших, но и невиданной по масштабам вовлеченности их семей в ритуалы коллективной скорби⁹⁰. Невыразимые масштабы горя, необходимость как-то объяснить или оправдать жертвы, сложились в политику скорби, материальной основой которой служат мемориалы и памятники. Олицетворением ее может служить фраза «никогда больше», как призыв сделать эти жертвы последними, выстроить мир, в котором они не будут необходимы⁹¹.

Существуют и другие классификации средств репрезентации и передачи исторической памяти. А.М. Эткинд предлагает разделять «твердую» и

⁸⁹ Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. С. 138.

⁹⁰ Winter J. Historical remembrance in the Twenty-First Century. // The annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. №1. P. 7.

⁹¹ Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М., 2016. С. 220.

«мягкую» памяти. Первая – мемориалы и памятники, чье физическое воплощение определяется вторым видом – текстами, содержащими весь багаж мнений и оценок. Также автор предлагает следующую интерпретацию состояния исторической памяти в современной России: характеризуя весь период правления советской власти как незавершенную, влотекущую столетнюю революцию, с размытым и неопределенным завершением, он определяет современность как «постреволюционную эпоху», для которой характерна болезненная сфокусированность на собственной памяти⁹². Ее отличает сосредоточенность на репрезентации ранее подавлявшегося опыта жертв и преступников, выражения всего массива мнений и оценок по наиболее животрепещущим вопросам. Идеальная задача состоит в формировании между различными группами и политическими силами консенсуса относительно ключевых событий и фигур в истории, создание этической рамки, в которой могут проходить дискуссии по этим вопросам. Сложность состоит в том, что в России травматическая память существует преимущественно на уровне «мягкой памяти» - текстов, документов, свидетельств современников, не предаваясь официально забвению, но и не присутствуя в публичной сфере в необходимой мере.

Так, можно сказать, что сегодня историческая память, в которой продолжают жить и действовать политические мифы, перешедшие в нее в качестве наследия имперской эпохи, становится важнейшим источником идентичности для государства как такового. В процессе социального конструирования исторической памяти и политической идентичности мемориальные практики воспроизводства политических мифов транслируют обществу весь объем символов и фигур, определявших политико-культурный облик государства на протяжении нескольких столетий. Для того, чтобы сформулировать образ желаемого будущего необходимо

⁹² Эткинд А.М. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца [Электронный ресурс] // Отечественные записки. 2004. №5. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/stoletnyaya-revoluciya-yubiley-nachala-i-nachalo-konsparopyatiya> (дата обращения: 20.05.2018).

проработать наиболее травматические воспоминания через создание и внедрение продуманных мемориальных практик, нацеленных на обеспечение многовекторной символической политики, предполагающей проекции не только в прошлое, но и в будущее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного анализа форм и способов символической репрезентации имперской мифологии, можно заключить, что:

Во-первых, основной признак имперского типа государственности состоит в особенностях управления составляющих империю территориях. Многонациональная и разнородная общность требует не только административных и политических инструментов управления, но и продуманной культурной политики. Устойчивость империи опирается в первую очередь на чувство коллективного единства, корни которого лежат в ощущении внутренней связи населяющих государство народов как между собой, так и с властью, общей истории развития, побед и поражений. Без него невозможно существование настолько крупного государственного образования, в котором, в отличие от национального государства, надгрупповая идентичность и легитимизация политического порядка основаны в большей степени на воспринимаемых сферой чувств символах единства и преемственности

Во-вторых, российский имперский миф определяется функциями политического мифа как такового и особенностями имперского типа государственности, в котором особую роль играет символическая политика, транслирующая универсальную наднациональную идею. Следовательно, имперский политический миф был призван решить следующие две задачи: консолидировать многонациональное население империи и легитимировать верховную власть.

В-третьих, мифо-ритуальные практики во многом определили стратегию эволюции политической культуры России, поскольку при изменении политических мифов и символов, их выражающих, новые метанарративы вбирали в себя старые, обеспечивая поступательное и непрерывное развитие политико-культурной сферы. Даже революция 1917 года, добавив в содержание мифов новые образы для решения конкретных

задач, стоящих перед властью, не привела к радикальному отказу от традиционных метафор. Если для эпохи монархии естественным было искать основания для легитимности в мифе об иноземном происхождении, подтверждающем сакральность и универсальность власти императоров, то в СССР для этого использовались харизматические качества вождей, миф о построении нового «золотого века» - коммунизма и миф о наличии внешней угрозы, призванный сплотить общество вокруг вождя

В-четвертых, в процессе социального конструирования исторической памяти и политической идентичности мемориальные практики воспроизводства политических мифов транслируют обществу весь объем символов и фигур, определявших политико-культурный облик государства на протяжении нескольких столетий. Для того, чтобы сформулировать образ желаемого будущего, необходимо проработать наиболее травматические воспоминания через создание и внедрение продуманных мемориальных практик, нацеленных на обеспечение многовекторной символической политики, предполагающей проекции не только в прошлое, но и в завтрашний день.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Книги и периодические печатные издания:

1. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 187 с.
2. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.
3. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. – М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 272 с.
4. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
5. Барт Р. Мифологии. – М.: Академический проект, 2008. – 351 с.
6. Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы. // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – 1996. – С. 338.
7. Грачев Н.И. Империя как форма государства: понятие и признаки. // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – №2. – С. 18-28.
8. Долбилов М. Поляк в имперском политическом лексиконе. // Новое литературное обозрение. – 2011. – №2. – С. 45-58.
9. Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 608 с.
10. Завершинский К.Ф. Политический миф в структуре современной символической политики. // Вестник СПбГУ. Серия 6. – 2015. – №2. – С. 16-25.
11. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. – М.: «Традиция» – «Прогресс традиция», 2000. – 344 с.

12. Каспэ С. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. – М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001. – 256 с.
13. Ливен. Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М.: Европа, 2007. – 688 с.
14. Миллер А. Модерные империи: проблемы классификации, механизмы консолидации и распада. // Журнал «Политическая наука». – 2013. – № 3. – С. 30-42
15. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.
16. Михайлов Д.Н. Политическая мифология: проблема определения, структура и функции. // Вестник Воронежского государственного университета. – 2010. – №2. – С. 116-135.
17. Мотыль А. Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств. – М.: «Московская школа политических исследований», 2004. – 248 с.
18. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии. // Социологическое обозрение. – 2012. – №1. – С. 47-68.
19. Павленко О.В. Россия и Австро-Венгрия середины XIX- начала XX века: политические мифы имперской власти. // Новая и новейшая история. – 2014. – № 1. – С. 116-135.
20. Полосин В. Миф, религия, государство. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1999. – 440 с.
21. Тилли Ч. Как умирают империи. // Журнал «Политическая наука». – 2013. – № 3. – С. 216-229.

22. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. От Александра II до отречения Николая II. – М.: ОГИ, 2002. – 796 с.
23. Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. – М.: ОГИ, 2002. – 608 с.
24. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование. – М.: Прогресс Традиция, 2004. – 264 с.
25. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005, 16-50 с.
26. Хлекнюк Д. Бернад Гизен. Триумф и травма // Социологическое обозрение. – 2010. – №2 – С. 112-117.
27. Хрох М. Ориентация в типологии. // *Ab Imperio*. – 2000. – №2. – С. 9-24.
28. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе. // *Нации и национализм*. – 2002. – С.121-146.
29. Хюбнер К. Истина мифа. – М.: Республика, 1996. – 448 с.
30. Цимбаев К. Н. Феномен юбилеемании в российской общественной жизни конца XIX – начала XX века. // *Вопросы истории*. – 2005. – №11. – С. 98–108.
31. Щербинина Н.Г. Героические конструкции политической коммуникации в контексте ценностного противостояния на Украине. // *Вестник Томского государственного университета*. – 2014. – №3. – С. 74-82.
32. Щербинина Н.Г. Политический миф России. Курс лекций. – Томск, Издательство Томского университета, 2002. – 98 с.

33. Элиаде М. АСПЕКТЫ МИФА. – М.: Академический проект, 2010. – 251 с.
34. Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.
35. Alexander J. Cultural pragmatics: social performance between ritual and strategy. / Alexander J., Giesen B., Mast J. L. // Social Performance: symbolic actions, cultural pragmatics and ritual. – New York, 2006. – P. 29-90.
36. Giesen B. Triumph and trauma. – Cambridge: Routledge, 2004. – 206 p.
37. Giesen B. Performing the sacred: a Durkheimian perspective on the performative turn in the social sciences. / Alexander J., Giesen B., Mast J. L. // Social Performance: symbolic actions, cultural pragmatics and ritual. – New York, 2006. – P. 325-367.
38. Gill. G. Symbols and Legitimacy in Soviet Politics. – New York: Cambridge University Press , 2011. – 356 p.
39. Koselleck R. Futures past: on the semantics of historical time. – New York: Columbia University Press, 2004. – 313 p.
40. Olick J. From usable past to the return of the repressed. // Hedgehog Review. – 2007. – №2 – P. 19-31.
41. Olick J. Introduction: Memory and the Nation—Continuities, Conflicts, and Transformations. // Social science history. – 1998. – №2 – P. 377-387.
42. Winter J. Historical remembrance in the Twenty-First Century. // The annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 617, Issue 1, P. 8-9.

Источники на электронных носителях:

43. Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия [Электронный ресурс] // Режим доступа:

http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_vo_prosu_o_granitsakh_ponyatiya (дата обращения: 12.05.2018).

44. Эткинд А.М. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца. [Электронный ресурс] // Отечественные записки. – 2004. – №5. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/stoletnyaya-revolyuciya-yubiley-nachala-i-nachalo-konca-ponyatiya> (дата обращения: 20.05.2018).

45. Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Критическая теория паразитического государства. [Электронный ресурс] // Вестник Европы. – 2016. – №46. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2016/46-47/vnutrennyaya-kolonizaciya-kriticheskaya-teoriya-paraziticheskog.htm> (дата обращения: 20.05.2018).